

Часть I.

КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Т.А. Бобылева, А.С. Розенфельд

РГППУ, г. Екатеринбург

ГУМАНИЗМ В РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ ДЕВЯТНАДЦАТОГО ВЕКА

В своем произведении «Кадетский монастырь» Николай Семенович Лесков приводит пример идеальной педагогической модели гуманистической педагогики в образовании.

В этой модели он описывает четыре основных составляющих: обучение, воспитание, развитие, а также управление и организацию образовательным процессом. Восхищает подход организации учебного процесса. Так в каждой камере (классе) было по двадцати человек, и при них были гувернеры из иностранцев, так называемые «аббаты», французы, немцы и англичане. Они жили вместе с кадетами и даже вместе и спали, дежура по две недели. Под их надзором кадеты готовили уроки, и какой национальности был дежурный аббат, на том языке должны были все говорить. От этого знание иностранных языков между кадетами было очень значительно, и этим, конечно, объясняется, почему первый кадетский корпус дал так много послов и высших офицеров того времени.

Педагоги были люди такого ума, сердца, честности и характеров, что лучших, кажется, и искать незачем.

Одним из таких был генерал-майор Перский, который в одном своем лице сосредоточивал должности директора и инспектора корпуса. Михаил Степанович Перский был замечательная личность: он имел в высшей степени представительную наружность и одевался щеголем. Он считал обязанностью служить для кадетов примером опрятности и военной

аккуратности. Носил тогдашнюю треугольную шляпу «по форме», держался прямо и молодежато и имел важную, величавую походку, в которой как бы выражалось настроение его души, проникнутой служебным долгом, но не знавшей служебного страха. Он был в корпусе безотлучно, четыре раза в день непременно обходил все классы, непременно бывая на каждом уроке.

Перский питался общим кадетским обедом, после чего не отдыхал, а тотчас садился просматривать все журнальные отметки всех классов за день. Это давало ему средство знать всех учеников вверенного ему обширного заведения и не допускать случайной оплошности перейти в привычную леность.

Он основательно знал языки французский, немецкий, английский и у Перского была и доблесть, которую кадеты считали своею, потому что Михайло Степанович был воспитанник этого же кадетского корпуса.

Второй легендарной личностью был Андрей Петрович Бобров, который был при корпусе экономом. При Боброве у воспитанников корпуса было все: Ели, сколько кто хотел, белье заставлял переменять три раза в неделю». Кадеты его любили до той надоедливости, что ему буквально нельзя было показаться в такое время, когда все были свободны. Если, бывало, случится ему по неосторожности попасть в это время на плац, то сейчас же раздавался крик: -- Андрей Петрович на плацу! Все бросались к нему, ловили его, брали на руки и несли, куда ему было нужно.

Андрею Петровичу никогда почти не приходилось получать своего жалования, а только расписываться. Он давал всем бедным приданое – серебряные ложки и белье. Каждый выпущенный прапорщик получал от него по три перемены белья, две столовые серебряные ложки, по четыре чайных, восемьдесят четвертой пробы. – «Когда товарищ зайдет, чтобы было у тебя, чем дать щей хлебнуть, а к чаю могут зайти двое и трое, – так вот, чтобы было чем...».

Необходимо упомянуть и о корпусном докторе Зеленском. Он был холост, тоже был домосед, жил в лазарете, в последней комнате. Числа визитаций у него не полагалось, он всегда был при больных. В день несколько раз обойдет, а, кроме того, еще вернется иногда невзначай и ночью. Если же случался труднобольной кадет, так Зеленский и вовсе его не оставлял -- тут и отдыхал возле больного на соседней койке. У него была поговорка: «Если ребенок умрет от горячки, доктора надо повесить за шею, а если от скарлатины, то за ноги, главное дело не в лечении, а в недопущении, в предупреждении болезней. Тогда была другая мерка: от человека требовали, чтобы никого не сделать несчастным, и этого держались все.

Стоит отметить и методы гуманистического воспитания, которые основывались на личном примере. Н.С. Лесков описывает такой случай.

По некоторому стечению обстоятельств кадеты оказались, причастны к событию декабристского бунта. «Когда после шести часов вечера открыли огонь из шести орудий, стоявших напротив, появились раненые, человек шестнадцать вошли в ворота корпуса. Сейчас же кадеты дали знать об этом директору Перскому, а сами меж тем уже сделали, как умели, раненым перевязку.

Пятнадцатого декабря в корпус неожиданно приехал государь Николай Павлович. Он был очень гневен.

– Отсюда Рылев и Бестужев! – по-прежнему с неудовольствием сказал император.

– Отсюда Румянцев, Прозоровский, Каменский, Кульнев – все главнокомандующие, и отсюда Толь, – с тем же неизменным спокойствием возразил, глядя открыто в лицо государя, Перский.

– Они бунтовщиков кормили! -- сказал, показав на нас рукою, государь.

– Они так воспитаны, ваше величество: драться с неприятелем, но

после победы пригревать раненых, как своих. Перский своими откровенными и благородными верноподданническими ответами отклонил от нас беду, и мы продолжали жить и учиться, как было до сих пор».

Дух дружества и товарищества был удивительный, и самый маленький новичок проникался им быстро и подчинялся ему с каким-то священным восторгом. Нас нельзя было подкупить и заласкать, мы так были преданы начальству за его справедливость и честность. Большое внимание в корпусе уделялось духовному воспитанию, которым занимался архимандрит.

Когда Лескову приходилось слышать легкомысленный отзыв о религии, что она будто скучна и бесполезна, он всегда думал: – «Вздор мелете, милашки! Это вы говорите только оттого, что на мастера не попали, который бы вас заинтересовал и раскрыл вам эту поэзию вечной правды и неумирающей жизни». В качестве образца он в своем произведении приводит одну лекцию, которую очень хорошо помнил. «Если бы Иисус Христос пришел не скромно в образе человеческом, а сошел бы с неба в торжественном Величии, как божество, окруженное сонмом светлых, служебных духов, тогда, конечно, никакого сомнения не было бы, что это действительно божество. А посмотрели бы мы, как бы ты заговорил о терпении, если бы тебе от голода живот к спине подвело, а от стужи все тело посинело». И я думаю, что, если бы господь наш пришел во славе, то и ему отвечали бы что-нибудь в этом роде. Сказали бы, пожалуй: «Там тебе на небе отлично, пришел к нам на время и учишь. Нет, вот если бы ты промеж нас родился да от колыбели до гроба претерпел, что нам терпеть здесь приходится, тогда бы другое дело». «И для этого он и сошел босой и пробрел по земле без приюта».

В кадетском корпусе приоритетным было воспитание чести. Постулатом служило наставление Перского: «Ведите себя хорошо и исполняйте то, что приказывает вам начальство. Главное, вы найдите только

самих себя и никогда не пересказывайте начальству о каких-либо шалостях своих товарищей. В этом случае вас никто уже не спасет от беды». Понятия чести, которыми кадеты бывших времен недаром славились и не изменяли им на всех ступенях служения до гроба.

Высокая эффективность организации учебно-воспитательного процесса была возможна благодаря тому, что «они все были между собою согласны в том, что нужно для нашей выгоды. И приписываю это именно той их крепкой друг в друге уверенности, что ни у кого из них нет более драгоценной цели, как наше благо».

С нашей точки зрения, описанная Н.С. Лесковым педагогическая модель начала девятнадцатого века в наибольшей мере соответствовала формированию метаобразования, когда от воспитанников требовалась широта мировоззрения, способствующая саморазвитию личности при соблюдении высоких нравственно-этических требований. Что не утратило актуальности в настоящее время.

С.З. Гончаров
РГППУ, г. Екатеринбург

КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА – ПОТЕНЦИАЛ НАШЕГО РАЗВИТИЯ

Газета нашего университета называется «Мы – РГППУ». А кто это – мы? С чем мы себя отождествляем или, как выражаются психологи, «идентифицируем»? Вопрос не праздный. От того, с чем личность себя отождествляет, зависит то, во что она верит, чем дорожит и к чему стремится в своем поведении. Я здесь имею в виду не высшие мировоззренческие вопросы, а социальную позицию, вытекающую из *общего дела*. А такое дело (образовательная, научная и др. наша совместная деятельность) взвешивает на своих весах *важность* каждого из нас и определяет *уважение* нас со стороны других участников общего дела. Коль есть общее дело, то, очевидно, должны быть и общие интересы,